

Лиλιанна Роуз

Не звони ему
за меня

Лилианна Роуз

Не звони ему за меня

«Автор»

2026

Роуз Л.

Не звони ему за меня / Л. Роуз — «Автор», 2026

После измены мужа сорокадевятилетняя Елена снова влюбилась. Игорь смешит ее, встречается после работы и прекрасно ладит с ее взрослым сыном. Разве можно желать лучшего? Но однажды Елена просит не ждать ее у театра, а в ответ получает звонок сына: почему она не выполнила их договоренность? Двое близких мужчин обсудили между собой, что ей нужно, и решили не принимать ее отказ всерьез. Елена не хочет выбирать между сыном и любимым. Только как сохранить обоих, если забота о ней постепенно превращается в право говорить за нее? И хватит ли ей смелости самой произнести слова, которые раньше было удобнее передавать через другого?

© Роуз Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая договоренность	5
Глава 2. После девяти	8
Глава 3. Один звонок	11
Глава 4. Кассовое окно	14
Глава 5. Мужчины между собой	17
Глава 6. Лишний ключ	20
Глава 7. То, что осталось	22
Глава 8. Не первая жена	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лилианна Роуз

Не звони ему за меня

Глава 1. Чужая договоренность

Павел позвонил, когда Елена пыталась застегнуть плащ, удерживая подбородком пакет с бутербродами. Молния поймала подкладку. Сын, увидев это на экране, сразу сказал:

— Не дергай. Ты сейчас оторвешь.

— Доброе утро тебе тоже.

— Мам, я серьезно. Отпусти ткань.

Она поставила пакет на обувную тумбу. Темный край подкладки освободился сам, и молния пошла вверх. Елена поправила воротник своего бирюзового плаща, посмотрела на сына и только теперь заметила, что он тоже стоит в прихожей. Позади него Дарья держала две разные туфли.

— Которые? — спросила она не у Елены.

— Черные, — ответил Павел.

Дарья посмотрела на туфли, поставила черные и села надевать коричневые.

— Вот, — сказала Елена. — Наглядное пособие.

— Что?

— Ничего. Я уже опаздываю.

— На субботу ничего не назначай. Мастер приедет между четырьмя и шестью.

Она перестала улыбаться. В субботу ей предстояло работать до половины десятого: сначала обычная касса, потом дополнительное вечернее дежурство. Инна Сергеевна спросила еще во вторник, Елена согласилась. Отменять не собиралась. Вечерняя прибавка как раз покрывала туфли, которые она примеряла в сентябре и все-таки оставила на полке магазина.

— Какой мастер?

— По твоему крану. Ты же сама сказала, что ручка заедает.

— Я сказала, что она тугая.

— Мам, это одно и то же.

— Для ручки, может быть. Для моей субботы нет.

Павел оглянулся на Дарью. Та уже открыла дверь и показала ему ключи. Он кивнул: иди, догоню.

— Хорошо, тебя может не быть. Игорь подъедет.

Елена посмотрела на экран внимательнее.

— Вы уже поговорили?

— Вчера. Я ему позвонил, спросил, как лучше. У него знакомый нормальный, не из объявления. Игорь сказал, что свободен.

Елена невольно улыбнулась. Ее тридцатиднолетний сын мог просто взять и позвонить мужчине, с которым она встречалась всего шесть недель. При ней он тоже говорил об Игоре легко, ни разу не сравнил с отцом. Елена помнила собственное облегчение, когда они познакомились у нее за чаем: Павел не изображал ни строгости, ни показного веселья, а Игорь не старался понравиться так усердно, что хотелось спрятаться.

Но суббота уже перестала быть ее субботой, хотя она еще не вышла из квартиры.

— Мне надо сначала узнать, сколько стоит.

— Узнаем.

— И что конкретно он будет делать.

— Посмотрит.

— А я могу посмотреть на свое расписание?

Павел помолчал. На лице у него появилось то терпеливое выражение, которое последнее время раздражало ее сильнее открытого недовольства. Он был похож на нее: те же карие глаза, только подбородок отцовский, тяжелее. Иногда Елена видела перед собой маленького мальчика, который не хотел надевать шарф. А иногда он сам смотрел на нее как на человека, которого необходимо одеть, прежде чем выпустить на улицу.

— Я пытаюсь избавить тебя от беготни, — сказал он.

— Я понимаю. Спасибо. Только в субботу я работаю, а ключ пока никому давать не хочу. Давай не будем делать все сразу.

— Хорошо. Когда тебе удобно?

Она могла бы назвать вечер, но уже не успевала. За стеной хлопнула соседская дверь. До автобуса оставалось семь минут.

— Не сегодня. Напиши мастеру, что пока не договорились.

— Это Игорев знакомый. Я ему скажу.

— Скажи, пожалуйста. И объясни, что я не против помощи. Просто у меня работа.

— Он не обидится.

— Я и не думаю, что обидится.

Она думала именно это. Совсем немного, но думала. Вчера Игорь прислал фотографию смешной школьной карты: один из учеников нарисовал Австралию похожей на варешку. Елена ответила, что варешка, по крайней мере, на своем месте. Они долго переписывались о пустяках, и ей не хотелось начинать сегодняшний день словами «вы со мной не посоветовались». Не с ним. Пусть Павел объяснит деловито, без ее раздражения.

— Ладно, я побежал, — сказал сын. — Ты дверь закрыла?

— Я еще внутри, Паша.

— Ну все. Пока.

Экран погас. Елена взяла бутерброды, проверила сумку, вернулась за очками для работы и только потом закрыла дверь.

На остановке пахло мокрыми листьями. Дворник сгребал их к ограде, и от каждого движения метлы куча будто пыталась расползтись обратно. Елена встала под край навеса. В стекле отражалась женщина с короткой темно-каштановой стрижкой и сердитой складкой между бровей. Пятьдесят ей будет только следующим летом, а люди уже почему-то решили, что после развода нужно организовать ей жизнь так же тщательно, как перевозку хрупкого сервиза.

Впрочем, зимой она сама звонила Павлу по три раза за вечер.

Тогда Виктор уже жил не дома, но еще появлялся за вещами. Однажды Елена попросила сына узнать, когда отец заберет зимние шины с балкона. В другой раз — передать, что она не хочет обсуждать чужую женщину. Потом Павел звонил сам. Спрашивал, ела ли она. Приезжал без предупреждения с продуктами, которые она не успевала съесть. Она была ему благодарна. И сейчас оставалась благодарна, даже стоя под мокрым навесом и сердясь на субботнего мастера.

В автобусе ей досталось место у окна. Она вынула телефон. У Игоря последним сообщением по-прежнему значилась Австралия-варешка.

Елена набрала: «Паша сказал про мастера».

Посмотрела на строчку и стерла. Зачем повторять? Сын уже обещал объяснить. Вместо этого она написала: «Сегодня до девяти. Если твоя Антарктида не растаяла, можно пройтись».

Ответ пришел, когда автобус объезжал ремонт на перекрестке.

«Не растаяла. Я тоже пока держусь. Буду у главного входа».

Она улыбнулась. Подумала, не добавить ли про субботу, и убрала телефон.

У театра Кира стояла на ступеньках с бумажным стаканом и без перчаток. Длинный шарф свисал почти до земли.

— Елена, вы не знаете, у нас можно брать выходной среди недели, если потом в воскресенье выйти? — спросила она вместо приветствия.

— Можно попросить.

— А если Инна Сергеевна скажет нет?

— Тогда будет нет.

— Очень обнадеживающе.

Елена придержала тяжелую дверь, пропуская девушку вперед. Внутри было тепло, пахло свежевывытым полом и чуть-чуть краской. За стеклом кассы висел новый плакат, наклеенный неровно. Фамилия актрисы уходила вверх, хотя сама она смотрела прямо и строго.

— Сначала спроси, — сказала Елена. — Ты еще не знаешь, что она ответит.

Кира кивнула и унесла свой кофе в служебный коридор. Елена сняла плащ, аккуратно расправила подкладку и повесила его на плечики.

В сумке завибрировал телефон. Павел написал: «Все отменил. Потом решим».

Слово «все» почему-то выглядело обиженным. Елена уже взялась отвечать, что не нужно так говорить, но в кассовое окно постучали. За ним стояла пожилая женщина в красном берете с двумя билетами в руке.

— Девушка, вы мне объясните, пожалуйста. Здесь шестой ряд, а мне сказали восьмой. Куда мне теперь идти?

Елена отложила телефон экраном вниз и подвинулась к стеклу.

— Давайте посмотрим вместе.

Глава 2. После девяти

Последний покупатель пришел без десяти девять. Он долго выбирал между двумя спектаклями, ни разу не спросив, о чем они. Сначала хотел, чтобы было смешно, потом — чтобы недолго, затем выяснилось, что билеты нужны в подарок женщине, с которой он поссорился.

— Тогда лучше не на завтра, — сказала Елена. — Вдруг еще не помиритесь.

Мужчина впервые посмотрел на нее, а не на схему зала.

— Думаете, не возьмет?

— Этого я не знаю. Я могу вам сказать, где плохо видно левый край сцены.

Он выбрал воскресенье через неделю. Елена пожелала хорошего вечера, закрыла окошко и принялась заканчивать кассу. Когда добралась до гардеробного крючка, Кира уже стояла в плаще, сунув руки в рукава наполовину.

— У вас там человек ждет, — сообщила она.

— У меня здесь тоже человек ждал. Решал судьбу воскресенья.

— Этот снаружи. В очках.

Кира улыбнулась так, будто очки сами по себе были важной романтической подробностью. Елена не ответила на улыбку, но возле зеркала пригладила волосы над ухом. После целого дня в теплом помещении короткая прядь торчала в сторону. Она намочила кончики пальцев, попробовала еще раз и махнула рукой.

Игорь стоял не под фонарем, где они обычно встречались, а рядом с колонной. В одной руке держал две бумажные чашки, второй пытался достать телефон из кармана. При ее появлении поднял голову, и попытка закончилась: телефон выскользнул обратно.

— Я думал, ты вышла через другой вход.

— У нас не столько входов, чтобы я заблудилась.

— Я пока изучаю местность.

Он протянул ей чашку. На крышке была нарисована галочка.

— Эта без сахара. Если я не перепутал. В таком случае придется поверить, что тебе так больше нравится.

Елена сделала осторожный глоток.

— Не перепутал. А что у тебя?

— Сахар.

— А под сахаром?

— Тоже чай, кажется.

Игорь был в темно-синей куртке, которая немного топорщилась на животе. На круглом лице очки казались тоньше, чем в помещении. Елена вспомнила, как на первой встрече он долго искал их, а они висели за воротом рубашки. Он рассказывал о поисках так серьезно, что она сначала попыталась помочь, а потом не могла перестать смеяться. Сейчас он придерживал свободной рукой свою чашку, чтобы не расплескать чай, и терпеливо ждал, пока она уберет телефон в сумку.

— Ты ужинала? — спросил он.

— В половине шестого. Два бутерброда.

— Это не ужин.

— Для бутербродов довольно обидное заявление.

— Тогда пойдем защищать их доброе имя чем-нибудь горячим.

Он кивнул на маленькую столовую за углом. Она еще работала. За окнами женщина в фартуке переставляла салфетки, не глядя на редких посетителей.

Елена хотела пройтись. После кассового стекла особенно хотелось воздуха, шагов, длинной улицы без очереди. Но от дверей столовой тянуло печеным луком, и спорить с собственным голодом не хотелось.

— Поедим, а потом до моста пешком, — предложила она.

— До моста далеко.

— До нашего. Не до какого-нибудь известного тебе за Уралом.

— Наш я тоже знаю. Просто потом еще обратно.

— Игорь, я сегодня весь день сидела.

Он посмотрел на нее и кивнул.

— До моста.

В столовой они взяли по супу и один пирожок с капустой на двоих. Разрезать его оказалось нечем: ножи уже убрали. Игорь попытался разделить ложкой, пирожок выскользнул и оставил на салфетке жирный след.

— Географически это не делится, — сказал он.

Елена взяла пирожок руками, разломилась и отдала ему большую часть.

— А практически вполне.

— Ты всегда выбираешь меньшую?

— Сейчас я выбрала ту, где больше корочки.

Он заглянул в свой кусок, словно впервые заметил устройство пирога.

Они сидели напротив друг друга у окна. Елена рассказала о мужчине с примирительными билетами, и Игорь захотел узнать, какой спектакль тот выбрал. Выяснилось, что он видел постановку два года назад и помнил только зеленый диван.

— Там вся развязка на этом диване, — сказала Елена.

— Значит, главное я запомнил.

— Там никто ни с кем не мирится.

— Ты ему это сказала?

— Он не спрашивал.

Игорь рассмеялся, снял очки и протер их чистым краем салфетки. Без них он выглядел чуть моложе и растеряннее. В его светлых волосах над виском блестело несколько серебристых нитей. Елена вдруг захотела провести по ним рукой. Пальцы сами приподнялись над столом; она взялась за чашку, чувствуя, как теплеют щеки.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

— У меня на лице суп?

— Пока нет.

На улице она сама взяла его под руку. Он придержал локоть, подстраиваясь под ее шаг, и они пошли к мосту. Вода в реке почти не отражала огней: поверхность была темная, с широкими движущимися полосами. Над перилами пахло сыростью.

Игорь начал объяснять, почему на повороте у берега скапливаются листья. Елена слушала первую минуту, потом посмотрела на него.

— А если я не запомню, ты поставишь мне двойку?

— Я не ставлю двойки за листья.

— Уже хорошо.

Он замолчал и через несколько шагов сказал:

— У нас сегодня мальчик спросил, почему на карте океаны все время синие, а наш пруд зеленый. Я объяснял минут десять. Под конец он сказал, что пруд ему все равно больше нравится.

— Умный мальчик.

— Невыносимый. Но умный.

Она смеялась, а он смотрел на нее с удовольствием, которого не пытался скрыть. Елена уже привыкала к этому взгляду, но иногда все еще хотелось оглянуться: точно ли смотрят на нее? На женщину после длинной смены, с отпечатком тесного воротника на шее и выбившейся короткой прядью.

У дальнего конца моста они остановились. Игорь повернулся к ней, не выпуская руки.

— Не замерзла?

— Немного.

— Тогда обратно.

— Можно минуту постоять.

Он не стал объяснять, что от стояния теплее не станет. Просто встал ближе. Она прижалась плечом к его плечу. Внизу проплыл большой желтый лист, похожий на маленькую лодку. Елена смотрела, как его разворачивает, и чувствовала ладонь Игоря поверх своей руки.

Обратный путь оказался короче. У остановки он предложил проводить ее до дома, но Елена покачала головой: его автобус шел в другую сторону, а утром ему к первому уроку.

— Я доеду. Правда.

— Хорошо. Напиши, когда будешь дома.

— Напишу, — сказала Елена и сдвинулась под навесом, уступая место женщине с большой сумкой. Игорь шагнул вместе с ней.

Автобус еще не подошел, и Игорь наклонился к ней. Елена подняла лицо. Его губы были прохладными, а ладонь, которую он положил ей на щеку, теплой. Поцелуй вышел короткий, потому что рядом зашипели открывающиеся двери.

— Вот теперь опоздаешь, — сказала она.

— Я умею ждать следующий.

Елена вошла в автобус и села у окна. Игорь не ушел сразу. Поднял руку, когда автобус тронулся, и она помахала ему в ответ, чувствуя себя до смешного довольной.

Дома она сняла туфли, открыла окно на кухне и написала ему, что доехала. Потом добавила: «Мост был правильный».

Он ответил почти сразу: «Пруд тоже. Спокойной ночи».

Про мастера они так и не поговорили.

Глава 3. Один звонок

В воскресенье Игорь принес к обеду огромный пучок петрушки.

— На рынке продавали только так, — объяснил он, когда Елена открыла дверь.

— Это на обед или на зиму?

— Я мог принести меньше, но пришлось бы оставить половину в подъезде.

Она впустила его и взяла пакет. Петрушка действительно была хорошая: темная, свежая, с тонкими влажными стеблями. Рядом лежали четыре помидора и маленький пакетик с семечками.

— Семечки тоже в салат?

— Нет. Это я по дороге.

— Не доел?

— Не начал. Потом вспомнил, что несу обед, и решил вести себя прилично.

Елена засмеялась. На нем был простой серый свитер, и ей понравилось, что он наконец перестал приходить к ней в рубашках, в которых, наверное, вел уроки. В сером свитере он выглядел по-домашнему.

Она отвела ему место у маленького кухонного стола. Сама заканчивала пирог с сыром: тесто купила готовое, но края не хотели соединяться, начинка вылезала из-под пальцев. В субботу она вернулась поздно, легла после полуночи и утром собиралась вообще ничего не готовить. Потом подумала об Игоре и решила, что совместный обед не обязательно должен состоять из разогретой гречки.

— Я могу помочь, — предложил он.

— Можешь порезать помидоры. Нож в ящике справа.

Игорь вымыл руки, достал доску и придвинул ее ближе к свету. Помидоры нарезал медленно, одинаковыми дольками. Елена одним глазом следила за его работой и удержалась от предложения сделать быстрее. Ей никуда не надо было идти. Даже непривычно.

На телефоне, лежавшем возле хлебницы, высветилось имя сына.

— Ответь, пожалуйста, — сказала она. — Только на громкую, а то я в тесте.

Игорь коснулся экрана, но громкая связь не включилась. Он поднес телефон к уху.

— Павел? Добрый день. Это Игорь. Лена пирог доделывает.

Елена показала ему перемазанную ладонь. Он кивнул, будто сын мог увидеть это через него.

— Да, мы сейчас обедаем. Нет, еще не сели.

Она защипнула последний упрямый угол, переложила пирог на противень и услышала:

— В пятницу после четырех я могу. У меня заканчивается раньше.

Елена обернулась.

— Это про мастера? — спросила она.

Игорь прикрыл телефон ладонью.

— Да. Он в пятницу рядом работает. Можно к тебе после четырех?

Она мысленно перебрала неделю. В пятницу снова вечерняя касса. Днем надо будет забежать за туфлями, если еще не разобрали ее размер. Мастер вроде бы мог прийти в ее отсутствие, только ключ пришлось бы заранее отдать Игорю.

— Я работаю. Надо подумать.

— Лена работает, пока не решили, — передал он сыну. — Хорошо. Нет, я все записал.

Елена кивнула ему, поставила пирог в духовку и пошла мыть руки. Когда вернулась, Игорь уже клал телефон возле хлебницы.

— Он спрашивал, не нужна ли картошка. Они у родителей Даши, им дали мешок.

— Конечно, нужна. Зачем ты закончил разговор?

— Я сказал, что нужна. Он завезет в среду.

— А сколько?

— Немного.

Она посмотрела на петрушку. Игорь понял и рассмеялся.

— Я не спросил, что у них называется немного.

Обед затянулся. Они ели пирог, придумывая, чем закрепить его развалившийся край, и в конце решили, что это не ошибка, а устройство для лучшего доступа к начинке. Игорь рассказывал о коллеге, которая уже третий год собиралась уйти на заслуженный отдых, но всякий раз брала еще один класс. Елена — о билетах, которые люди умудрялись сохранять до полной нечитаемости: складывали, стирали вместе с брюками, фотографировали так, что на снимке было все, кроме даты.

— И что вы делаете?

— Смотрим, что можно найти. Иногда человек уверен, что покупал у нас, а сам вообще в другой театр собирался.

— Ты умеешь это говорить спокойно?

— Не всегда. Просто стекло помогает.

Игорь провел пальцем по краю чашки.

— У меня стекла нет.

— Поставь. Будешь продавать знания через окошко.

Он представил себе это так явно, что несколько секунд молчал, а потом сказал:

— У меня тогда будут все время просить два места рядом.

Елена засмеялась громче, чем собиралась. В этой квартире давно никто не смешил ее так легко. Сын зимой все спрашивал, что ей привезти, не надо ли приехать самому. А они с Игорем уже четверть часа несли ерунду, и Елене хотелось продолжать.

После обеда он помог убрать посуду. Она оставила пирог на столе остывать, открыла форточку и заметила на его рукаве белую мучную полоску.

— Стой.

Подошла, провела ладонью по шерсти. Полоска стала шире.

— Теперь у тебя художественное оформление.

— Ты всегда так помогаешь?

— Только дорогим гостям.

Он поймал ее пальцы, притянул к себе. Елена не сопротивлялась. Они постояли рядом с открытым кухонным ящиком, который она так и не задвинула, а потом Игорь поцеловал ее в висок. Она повернула голову, чтобы следующий поцелуй пришелся не туда.

У нее зазвонил телефон. Оба посмотрели на хлебницу и одновременно рассмеялись.

На этот раз это была Инна Сергеевна: уточняла, где лежит папка с заявками от организованных групп. Елена объяснила, выслушала короткое «нашла», положила телефон обратно.

— Тебя сегодня все ищут, — сказал Игорь.

— Папку искали. Это разные вещи.

Они перенесли чашки в комнату. Игорь сел на край дивана, словно все еще был гостем на полчаса, и Елена подвинула ему подушку. Он остался до сумерек. Они разбирали старые фотографии из ее поездки к морю, но быстро отвлеклись от самого моря: на одном снимке Елена стояла рядом с нелепой фигурой чайки, похожей на сердитую курицу. Игорь никак не мог понять, почему скульптор дал птице человеческие колени.

Когда он ушел, Елена вдруг обнаружила, что не устала от чужого присутствия. В кухне осталось несколько чистых тарелок на полотенце, пахло петрушкой. На телефоне было сообщение Павла: «Игорь сказал, что все нормально. Хорошего вечера».

Она прочитала его дважды. Что именно нормально? Пирог? Кран? Она сама?

Потом ответила: «Спасибо. Картошки только немного, пожалуйста».

В шкафу действительно не было места для целого мешка.

Глава 4. Кассовое окно

В понедельник женщина в короткой кожаной куртке положила перед Кирой шесть билетов и сказала:

— Вы нас рассадили.

Елена услышала это из соседнего окошка. Она как раз показывала покупателю свободные места на пятницу и не могла сразу повернуться. Кира что-то быстро проверила на мониторе.

— У вас все билеты на одну дату.

— А я не про дату. Я про места.

— Но вы сами выбирали.

Женщина прижала ладонью билеты к подоконнику.

— Я выбирала шесть рядом. Мы идем всей семьей. У меня родители впервые за год выбрались.

— Здесь четвертый ряд, — сказала Кира. — Места с пятого по восьмое, а эти...

Она замолчала. Елена закончила выдачу, пожелала зрителю приятного просмотра и поднялась, чтобы взглянуть на билеты. Четыре были на субботу, два — на воскресенье. Название одно, время одинаковое. Разница легко терялась, если смотреть на цифры мест.

— Вы покупали здесь или на сайте? — спросила Елена.

— Здесь. В пятницу. У девушки.

Кира покраснела.

— Я помню вас. Вы сначала сказали на воскресенье.

— А потом сказала на субботу. Вы же слушали.

В коридоре уже образовывалась маленькая очередь. Мужчина с зонтом переступал с ноги на ногу и смотрел в свободное Еленино окно. Она попросила подождать минуту, подвинула к себе схему зала.

— Сейчас сначала посмотрим, что есть на субботу. Если вы сможете немного отойти от окна, я приглашу вас сюда.

— Мне не нужны другие. Мне нужны рядом.

— Я поняла. Посмотрим рядом.

Рядом было только в последнем ряду. Еще два места оставались у бокового прохода через ряд от купленных четырех. Елена показала оба варианта, не называя ни один прекрасным выходом. Женщина внимательно посмотрела на монитор.

— Последний ряд далеко.

— Дальше, чем четвертый, да.

— А если я четверых посажу туда, а двоих сюда?

— Тогда все будут в один день, но не рядом.

Женщина вздохнула. Кира стояла за Еленой, стиснув край собственной кофты.

— У вас спектакль через две недели, — сказала Елена. — Можно оформить возврат этих двух и выбрать другие места сейчас. Или сначала поговорить с семьей. Только обещать, что места подождут, я не могу.

Посетительница достала телефон, отошла к стене и начала звонить кому-то по имени Таня. Кира выдохнула так громко, что сама испугалась.

— Я ей сто раз сказала дату.

— Может быть, — ответила Елена. — Но два билета все-таки на воскресенье.

— Теперь все решат, что я вообще ничего не умею.

Елена вернулась к своему окну. Мужчина с зонтом сразу положил на подоконник купюру, хотя еще ничего не выбрал.

— Не все, — сказала она Кире вполголоса. — Я вот сейчас вообще занята.

Девушка неожиданно фыркнула. Плечи у нее опустились.

Через десять минут женщина выбрала последний ряд на всех. Потребовалось дожидаться Инны Сергеевны, оформить возврат и провести новые билеты. Кира сама еще раз проговорила дату, время и места, разложив их перед покупательницей.

— Извините за путаницу, — сказала она уже без оправданий.

— Ладно. Главное, чтобы спектакль хороший.

Когда женщина ушла, Кира села и уткнулась лбом в ладони.

— Я ненавижу понедельник.

— Сегодня еще до обеда не дошло, — заметила Инна Сергеевна. — Побереги силы.

Она была высокой, сухощавой женщиной, умевшей одним взглядом находить оставленную не там папку. Принесла из кабинета расписание следующей недели и положила между кассами.

— Проверьте сейчас. Потом мне не рассказывайте, что не увидели.

Кира сразу подняла голову.

— А можно про вторник?

Они вышли в служебный коридор. Елена слышала только отдельные слова: занятия, до конца ноября, воскресенье. Через несколько минут Кира вернулась, сияя.

— Договорилась. Мне вторники поменяли. Я по воскресеньям теперь.

— Все?

— Все. Я вчера полвечера придумывала, как сказать. Даже сообщение записала, потом не отправила.

— Сколько минут?

Кира смущенно посмотрела на телефон.

— Четыре с половиной.

Елена рассмеялась.

— Инна Сергеевна за четыре с половиной уже бы новое расписание составила.

Во время обеденного перерыва они сидели в тесной комнатке за кассами. Кира показывала на телефоне рисунок, который сделала на первом занятии компьютерной графикой. Елена не сразу поняла, что нарисовано: на картинке стояла чашка, но тень у нее была совершенно чужая, длинная и зеленоватая.

— Это мы свет учимся, — объяснила Кира. — Не надо говорить, что красиво. Я знаю, что пока странно.

— Мне ручка нравится.

— Она у меня единственная получилась.

— Значит, я разбираюсь.

Кира начала рассказывать о преподавателе и о девушке с соседнего места, которая все делала быстрее. Елена слушала, помешивая разогретый обед ложкой. Вспомнила свой первый самостоятельно закрытый рабочий день: никому не понадобилось ей помогать, и по дороге домой она все улыбалась, как теперь Кира над рисунком чашки.

Телефон завибрировал. Павел прислал длинный список: модель крана, примерная стоимость работы, время мастера. В конце стояло: «С Игорем все обсудили».

— Опять собрание без председателя, — пробормотала Елена.

— Что?

— Да дома. Я еще ничего не решила, а у меня уже пятница составлена.

Кира скользнула взглядом по экрану.

— А вы в субботу не сами сказали, что пусть они пока узнают? Вы по телефону говорили, когда я ключ от кассы отдавала.

Елена хотела ответить, что узнать и решить — разные вещи. Потом вспомнила: действительно сказала. «Паша, выясни уже, что там нужно». Она устала и хотела, чтобы вопрос исчез хотя бы до утра.

— Узнавать можно, — сказала она. — Просто потом мне надо еще подумать.

— А, — кивнула Кира и вернулась к своему рисунку. — Смотрите, вот тут я вообще тень стерла. Теперь чашка как будто летает.

Она не собиралась обсуждать Еленину жизнь. Это оказалось даже немного обидно: Елена уже приготовила объяснение, а слушать его было некому.

Она открыла сообщение сына и написала: «Стоимость подходит. В пятницу я на работе. С Игорем сама поговорю про ключ».

Потом перечитала и отправила. Игорю звонить пока не стала: он мог вести урок.

До конца смены она несколько раз вспоминала об этом, однако каждый раз появлялось новое дело. Ближе к вечеру он написал сам: «Паша прислал, что согласовано. Я свободен».

Елена посмотрела на короткое сообщение и ответила: «Спасибо. Созвонимся вечером».

Это было совсем не то же самое, что согласовано. Но объяснить разницу сейчас ей показалось слишком длинным делом.

Глава 5. Мужчины между собой

Картошки оказалось восемь килограммов.

Павел поставил сумку посреди кухни и с удовлетворением посмотрел на мать.

— Мы разделили на три части. Это тебе.

— Если это треть, мне страшно представить остальных участников.

— Мам, хорошая картошка. Даша сама выбирала мелкую.

В сумке лежали вполне крупные клубни. Елена решила не уточнять, относительно чего они считались мелкими. Она достала таз, а Павел уже открыл дверцу под мойкой, прикидывая, куда все поставить.

— Здесь влажно, — сказал Игорь от стола. — Лучше внизу в шкафу, где прохладнее.

— Там у меня посуда, — отозвалась Елена.

— Посуда может выше, — заметил сын.

— А я могу раздать часть соседке.

Оба посмотрели на нее. Потом Павел пожал плечами:

— Раздай. Только потом не покупай в магазине.

Игорь улыбнулся, но ничего не сказал. Елена почувствовала легкое раздражение и отвлеклась на противень. Она ждала Игоря к семи, а сын приехал в половине седьмого, предупредив за десять минут. Ничего страшного в этом не было: еды хватало. Просто она собиралась провести вечер иначе. Даже надела тонкий темно-зеленый джемпер, который не очень подходил для перебирания картофеля.

— Останешься поесть? — спросила она.

— Если не мешаю. Даша сегодня у подруги.

— Не мешаешь.

Она сказала это сама, прежде чем успела понять, правда ли. Павел вымыл руки, сел рядом с Игорем и спросил, как в школе начался год. Елена раскладывала рыбу по тарелкам и слушала их разговор. Игорь не стал говорить, что дети теперь совсем другие. Рассказал, как восьмой класс придумал собственные обозначения на плане школьного двора и поместил директора на карту в виде действующего вулкана.

— И что директор?

— Потребовала указать высоту над уровнем моря.

Павел рассмеялся. Елена тоже. Ей нравилось, что они могли сидеть так, не выбирая каждое слово. Во время первого знакомства сын спросил Игоря о работе таким тоном, будто проверял нового сотрудника, но это быстро прошло. Сейчас они спорили о том, можно ли вообще доверять карте в телефоне, если никогда не смотришь по сторонам.

— Я по работе иногда в такие дворы приезжаю, что без телефона оттуда не выберешься, — сказал Павел.

— А я как раз там его и убираю, — ответил Игорь. — Мне нужно понимать, в какую сторону я иду.

— То есть вы сначала теряетесь осмысленно.

— Именно. Это важное профессиональное отличие.

Сын повернулся к матери, ожидая, что она посмеется вместе с ним. Елена улыбнулась и потянулась за хлебом. Потом подвинула тарелку, убрала лишнюю вилку. Рыба на ее собственной тарелке оставалась нетронутой, а мужчины уже перешли к тому, где карта недавно завела Павла не в тот двор.

Игорь заметил это раньше Павла. Поднялся, забрал у нее миску.

— Садись. Я поставлю.

Он поставил ее не там, где Елена собиралась, но вполне удобно. Она села напротив обоих, отломала кусочек хлеба и рассказала про женщину с билетами на разные дни. Павел сразу спросил, нельзя ли сделать в программе крупнее дату.

— Наверное, можно, — сказала Елена. — Но я программу не пишу.

— Я к тому, что ошибки можно предотвратить.

— Некоторые можно, — согласилась она. — А некоторые все равно придется исправлять.

Игорь кивнул, но сын уже объяснял, как у них в сервисной компании устроили проверку заявок. Елена дослушала. Потом спросила:

— А у тебя самого как дела? Ты все время только про программу.

— Нормально. Работы много.

— У всех много. Ты доволен?

Павел на секунду задумался.

— По-разному. Есть кое-что интересное, но пока рано говорить.

Она не стала вытягивать. Сын не любил рассказывать заранее, еще с тех времен, когда сначала сам собирал сломанный велосипед, а потом уже звал смотреть. Дарья говорила, что ему проще показать готовое, чем признаться, что он чего-то хочет и может не получить.

После ужина Павел пошел посмотреть кран. Игорь встал следом. Елена услышала из ванной короткий металлический стук и громко попросила ничего не разбирать до пятницы.

— Мы посмотрим! — ответил сын.

— Я вас знаю. У нас однажды так посмотрели, что два дня пришлось ведром пользоваться.

— Это папа разбирал, — сказал Павел.

Елена замолчала, так и не убрав руку с кухонной дверцы. Из ванной еще несколько секунд доносился шум воды, потом оба мужчины вернулись. Игорь спросил, куда положить полотенце. Павел принялся искать свои ключи.

— Я поеду. Спасибо за ужин.

Елена проводила его в прихожую. Он надел куртку, потом вдруг обнял мать, крепко и немного неловко.

— Хорошо у тебя, — сказал он.

— Было бы еще место для картошки.

— Я серьезно.

Она подняла голову. Павел смотрел не на нее, а на Игоря, который остановился у кухонной двери.

— Спасибо вам, что подключились. А то я за последний год уже не знал, за что хвататься.

Игорь слегка нахмурился, будто искал скромный ответ.

— Да что там. Все обычные дела.

— Ну вот. Если что, звоните мне. Я лучше знаю, где у нее что.

— Паша, я тоже знаю, — сказала Елена.

— Мам, не начинай. Я про кран.

Он поцеловал ее в щеку и ушел. С лестницы донеслись быстрые шаги, потом хлопнула дверь вниз.

Елена еще секунду смотрела на закрытую дверь. Игорь подошел и взял у нее из рук забытый сыном пакет с пустым контейнером.

— Ему нравится помогать, — сказал он.

— Мне иногда тоже.

— Ты все время помогаешь.

Это прозвучало тепло, и ей расхотелось объяснять свое раздражение. Она вернулась на кухню. Картофельная сумка так и стояла посреди пола.

— Давай сначала уберем это, — предложил Игорь.

Елена взяла половину клубней, переложила в другой пакет и позвонила соседке. Та обрадовалась и обещала зайти утром. Игорь отнес оставшуюся картошку в узкий шкаф в коридоре, освободив место для ее обуви на верхней полке.

Потом они наконец остались вдвоем. До его последнего удобного автобуса было еще больше часа. Елена села рядом с ним на диване, положила ноги на подушку и сказала:

— Я сегодня вообще-то хотела лежать.

— А я хотел тебя увидеть.

— Значит, можно совместить.

Он обнял ее за плечи. Елена устроилась удобнее, чувствуя под щекой мягкую шерсть его свитера, и закрыла глаза. Несколько минут они молчали. В кухне тихо гудел холодильник, за стеной кто-то двигал стул.

Елена слышала, как он дышит, и понемногу переставала ждать, что сейчас надо будет встать.

Глава 6. Лишний ключ

В четверг вечером Елена достала запасной ключ из коробки с пуговицами.

Ключ лежал там с весны. Раньше он висел у Виктора на связке, потом неделю находился у Павла, потом сын вернул его вместе с маленьким зеленым брелоком. Елена сняла брелок и выбросила: на нем стерлась надпись, но оставалось неприятное чувство, будто вещь помнит больше, чем ей положено.

Теперь ключ был просто ключом. Тяжелым, с двумя одинаковыми выступами. Елена положила его на стол перед Игорем.

— В пятницу с четырех. Я предупрежу соседку, что придет мастер. Если что-то понадобится решать сверх того, о чем мы договорились, сначала позвони мне.

— Хорошо.

— И не соглашайся менять весь кран только потому, что это проще.

— Он сначала посмотрит ручку и механизм. Я помню.

Игорь записал время в телефон, спросил, где перекрывается вода. Елена показала и еще раз проверила, легко ли поворачивается вентиль. За это она тоже беспокоилась.

— Деньги оставлю в конверте на холодильнике, — сказала она.

— Я могу заплатить, потом разберемся.

— Не надо. Я оставлю.

— Как хочешь.

Он взял ключ, положил в отдельный карман куртки. Потом они пошли ужинать в маленькую пельменную возле его остановки. Про кран больше не говорили. Елена рассказывала, как купила наконец туфли: на коробке стоял не тот размер, продавщица полчаса искала вторую, а подходящей оказалась именно первая пара. Игорь слушал с таким вниманием, будто это было приключение с неизвестным концом.

— И теперь они у тебя? — спросил он.

— Теперь у меня.

— Тогда надо сходить куда-нибудь, где видно туфли.

— На выставку ковров. Будем смотреть вниз.

Он рассмеялся и предложил театр. Елена покачала головой:

— Только не мой. Я там начну считать свободные места.

В пятницу мастер пришел в четыре двадцать. Игорь сразу написал: «Мастер пришел». В половине пятого позвонил сам мастер: объяснил, что заедает сменная деталь, назвал цену и спросил, согласна ли она. Елена отошла от кассы, внимательно выслушала и согласилась. Весь разговор занял меньше двух минут.

Когда она вернулась, Кира держала у уха телефон.

— Да, мам, я поела, — говорила она. — Нет, не булку. Суп. Какой суп? Обычный.

Положив трубку, она посмотрела на Елену.

— Теперь придется действительно поесть суп.

— Можно не отчитываться настолько подробно.

— Я бы не отчитывалась, если бы мне разрешали отвечать одним словом.

Кира ушла в комнату отдыха. К Елениному окну подошел мужчина, требовавший продать ему место, на котором когда-то сидел его отец. Ни ряда, ни номера он не помнил, только сообщил, что оттуда было отлично видно.

Рабочий день тянулся спокойно. После начала вечернего спектакля пришли двое опоздавших зрителей: перепутали время, посмотрев на старую афишу. Дежурная администратор разобралась с их входом, а Елена закрыла последнее окошко и принялась сверять документы.

В коридоре гасили часть света. Она надела новые туфли еще утром и теперь чувствовала их пятками сильнее, чем хотелось.

Игорь ждал возле боковой двери с маленьким бумажным пакетом.

— Ты сегодня не должен был приезжать, — сказала она.

— Ключ привез. И остаток денег.

— Можно было завтра.

— Можно. Но я хотел увидеть туфли.

Елена выставила ногу вперед, как на школьном смотре обуви. Игорь серьезно наклонил голову.

— Хорошие. Совершенно не похожи на картошку.

— Очень высокий уровень оценки.

Он отдал ей пакет. Внутри лежали ключ, сложенные купюры и маленькая замененная деталь в прозрачном мешочке. Елена хотела выбросить ее сразу, но Игорь сказал, что мастер попросил сохранить до утра, если появятся вопросы. Они прошли к скамье возле афиши, она убрала все в сумку.

— Спасибо, — сказала Елена. — Правда. Мне сегодня было бы сложно уйти.

— Все получилось нормально. Только у тебя полотенца неудобно лежат.

— Почему?

— Чтобы взять сухое, приходится тянуться через корзину.

— Я привыкла.

— Я переставил два на полку, потом подумал, что ты можешь искать, и вернул обратно.

Она посмотрела на него. Он рассказал это без особого значения, даже чуть виновато.

— Правильно сделал, что вернул.

— Но корзину все равно лучше убрать.

— Мне там удобно сортировать.

— Хорошо, не буду спорить с хозяйкой.

Елена тоже улыбнулась, хотя слово «хозяйка» ей не понравилось. Корзина была на колесах, она просто выкатывала ее, когда нужно. Объяснять это сейчас не хотелось. Елена проверила, закрыта ли сумка с возвращенным ключом, и взяла Игоря под руку.

До остановки они шли медленно. Елена старалась не показывать, что туфли трут. Игорь заметил сам.

— Давай сядем на ближайшей, — предложил он. — Не будем идти лишний квартал.

Она с благодарностью опустила на скамью и чуть выдвинула ноги вперед, освобождая натертые пятки.

Дома кран повернулся легко. Елена несколько раз открыла и закрыла воду, будто могла таким образом оценить всю проделанную работу. Потом положила запасной ключ обратно в коробку с пуговицами. Мешочек со старой деталью оставила на краю холодильника.

Павел прислал сообщение: «Игорь сказал, все сделали. Теперь не крути резко».

Она посмотрела на экран, потом на новый плавный ход ручки.

«Я уже проверила. Все хорошо», — ответила она.

Сын поставил поднятый большой палец. Через минуту Игорь прислал фотографию одинокого пирога в витрине и спросил, заслуживает ли тот спасения.

Елена написала: «Если с капустой, да».

Он ответил: «С яблоком. Тогда буду действовать на свой страх и риск».

Она смеялась, стоя босиком на кухне. Пятки болели, вода больше не заставляла прикладывать усилия, а запасной ключ лежал там, где она решила его держать.

Вечер казался вполне удавшимся.

Глава 7. То, что осталось

Сообщение Виктора пришло в воскресенье, когда Елена собиралась вымыть окна.

«Твои книги у меня. Надо бы забрать, я освобождаю шкаф».

Она прочитала, поставила телефон на подоконник и сняла с окна горшок. Земля рассыпалась по клеенке, которую она специально постелила, чтобы ничего не рассыпать. Елена собрала ее ладонью, отнесла горшок в ванную и вернулась к сообщению.

Книги действительно были ее. При переезде Виктора Павел помогал складывать вещи и забрал все с двух полок бывшего кабинета. Елена тогда сказала: пусть увозит, потом разберемся. В коробки попали ее словари, несколько альбомов, три тома рассказов, которые она перечитывала без всякой системы. Разбираться потом не хотелось. Она помнила, что книги целы, и этого пока хватало.

Теперь Виктор освобождал шкаф.

На словах все было просто: назвать день, приехать, взять две коробки. Но Елена уже слышала его голос. «Ты могла бы и раньше». «Я не обязан хранить это вечно». А потом, если разговор задержится: «У тебя все нормально? Паша говорит, что нормально».

После развода прошло семь месяцев. Бумаги были оформлены, общие денежные вопросы закрыты. Виктор изменил ей и ушел. С тех пор Елена привыкла к пустой половине шкафа, перестала покупать его любимый хлеб, а вот книги все еще оставались у него.

Но разговаривать с ним по-прежнему не любила.

Она позвонила сыну. Павел ответил не сразу; слышно было, как он отодвигает стул.

— Что случилось?

— Ничего. Папа пишет про книги.

— Какие?

— Которые забрали вместе с его полками.

— А, да. Он мне тоже говорил.

— Когда?

— На неделе. Я сказал, что пока занят.

Елена села на табурет. Вода в ведре стояла возле ног, на поверхности плавала тонкая полоска пены.

— А почему мне не сказал?

— Забыл. Мам, там две коробки. Не пожар.

— Я и не говорю, что пожар. Ты можешь у него узнать, когда удобно?

— Ты же сама с ним переписываешься.

Она помолчала.

— Мне не хочется опять слушать.

— Что слушать?

— Все остальное.

Павел вздохнул, и Елена сразу пожалела, что позвонила. Павел виделся с отцом, разговаривал с ним о работе и машине, мог провести вместе воскресенье. Зимой Елена несколько раз встречала такие новости молчанием, которое сын хорошо понимал. Теперь ей было стыдно вспоминать.

— Ладно, я спрошу, — сказал Павел. — Только сегодня не обещаю. У нас с Дашей дела.

— Какие?

— Обычные. Нужно кое-куда съездить.

Она чуть не спросила куда, но удержалась.

— Хорошо. Не сегодня.

— И не мой окна снаружи. Там ветер.

Елена посмотрела на ведро.

— Ты откуда знаешь про окна?

— Ты сама в четверг говорила.

— Я только внутренние стекла протру.

— Вот и нормально.

Разговор закончился. Елена осталась сидеть, прижимая телефон к ладони. Сын согласился помочь. Так и должна была выглядеть обычная семейная поддержка. Она ведь не просила его возвращать отца, выяснять отношения или выбирать сторону. Всего лишь узнать время.

Правда, Виктор только что предоставил ей возможность узнать его самой.

Она вымыла одно окно, потом второе. На улице начался мелкий дождь, и по чистому стеклу поползли первые косые дорожки. Из соседней квартиры вышла женщина с пустым пакетом из-под картошки, постучала и поблагодарила. Они несколько минут поговорили на лестнице о холоде и о том, что во дворе наконец убрали старую скамью. Елена почувствовала облегчение от разговора, в котором никто не пытался увидеть за обычным предметом целую жизнь.

После обеда она принялась освобождать полку в шкафу. Книги было куда поставить, если убрать старые журналы и рекламные каталоги, которые неизвестно зачем сохранялись с прошлого года. Среди них нашлась театральная программка с загнутым уголком. Елена помнила тот вечер: еще с Виктором, еще до всего. Он ушел после первого действия отвечать на звонок и вернулся, когда зрители уже садились.

Елена разгладила загнутый уголок и положила программку в бумажный пакет вместе с другими ненужными листами. На полке осталась светлая полоса пыли; она сходила за тряпкой.

Вечером позвонил Игорь. Он проверял школьные работы и хотел прочесть ей одну фразу, но сначала спросил, как прошел день.

— У меня появилась полка, — сказала Елена.

— Самостоятельно?

— Была завалена бумагами. Теперь видно дерево.

— Значительное достижение.

Она рассказала про книги. Не про весь разговор с сыном, только что нужно когда-нибудь съездить за двумя коробками.

— Я могу с тобой, — предложил Игорь.

— Не надо. Там ничего такого.

— Тяжелые, наверное.

— Еще не знаю. Паша уточнит.

Игорь не спросил, почему Павел должен уточнять вес ее книг. Сказал, что если понадобится, у него есть складная тележка. Елена поблагодарила. Ей опять предложили простой способ облегчить конкретное дело, и опять почему-то захотелось отложить сам день.

— А что там написали твои ученики? — спросила она.

Игорь зашуршал бумагой.

— «В пустыне мало людей, потому что они не договорились, где будет автобусная остановка».

Елена рассмеялась.

— Очень человеческая причина.

— Я тоже подумал. Можно было бы снизить оценку за отсутствие научности, но я написал: «Уточните расстояние до воды».

Они проговорили еще двадцать минут. Когда телефонный разговор закончился, Елена пошла выключать свет в комнате. Свободная полка светлела среди темных корешков остальных книг. Она посмотрела на нее и вдруг ясно представила: не Павел привозит ей коробки и сообщает, что отец сказал, а она сама разбирает их, выбирает, что оставить, и ставит на место.

В этом образе не было ничего трудного. Трудным был первый звонок.

Она открыла переписку с Виктором, написала «Я заберу» и оставила сообщение в строке, не отправляя. Потом стерла.

Павел уже обещал спросить. Не стоило путать договоренности.

Глава 8. Не первая жена

В квартире Игоря было неожиданно много цвета.

Елена раньше бывала здесь только один раз, ненадолго, и запомнила прихожую, кухню и высокий шкаф. Теперь, приехав во вторник к ужину, остановилась в дверях комнаты. На сером диване лежала оранжевая подушка, над столом висел плакат с рыбами, а на окне стояли три разноцветные стеклянные бутылки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.